

Горелая Ольга Николаевна родилась в Брянске. Работает в Брянской областной научной универсальной библиотеке им. Ф. И. Тютчева в должности заместителя директора. Статьи о творчестве брянских писателей публиковала в журнале «Наш современник», альманахах «Литературный Брянск», «Брянский краевед», в газетах «Слово», «День литературы». Лауреат сайта «Российский писатель» (2022). Литературовед, публицист.

ПОЭТ СОЛНЕЧНОЙ РОДИНЫ О ЛИРИКЕ АЛЕКСАНДРА МАЛАХОВА

*Буду сам собою
Всем наперекор.
Впереди — с судьбою
Главный разговор.
А. Малахов.
Из поэмы «Колесо»*

Практически с первых строк Александр Малахов для меня — поэт светлой, прекрасной стороны нашего мира. Это не означает ни в коем случае безграничного оптимизма — в его поэзии много боли, разочарования, одиночества, но она всё равно остаётся для меня лирикой солнечного света, пишет ли поэт о Родине или о любимой женщине:

Чем отмечен этот край?

Да ничем особым.

Летом — солнца через край,

А зимой — сугробы.

Петушиный крик такой,

Что забудь попробуй.

Солнце пропитало основные темы поэзии А. Малахова. Родина, история страны и рода, душа, поэзия и любовь — казалось бы, об этом пишут если не все, то многие, но у каждого поэта сокровенное высказано через свои, только ему свойственные образы, рожденные личными ассоциациями, личным опытом. А у нас написанное отзывается уже новыми ассоциациями, пережитое при чтении превращается в новый опыт — сопереживания, сочувствия, восхищения. Если, конечно, это «твой» поэт, которого чувствуешь. Малахов для меня — такой.

Александр Васильевич Малахов (1942–2000) – член Союза писателей России. Родился в деревне Погореловка (ныне – Бережки) Жуковского района Орловской (ныне Брянской) области. Работал электриком на автозаводе в Брянске, служил в армии. Заочно учился в Литературном институте им. А.М. Горького (творческий семинар Е.А. Исаева). Профессиональный журналист: работал в газетах «Автозаводец», «Брянский комсомолец», в выгоничской районной газете «Российская нива». Автор книг «Чистота» (1973), «Сентябрины» (1990), одним из первых был удостоен премии «Серебряная лира» имени А.К. Толстого.

Сквозная тема в лирике поэта — Родина, знакомые с раннего детства места, речка Ветьма. Пишет о ней не просто с нежностью, восхищением, не просто несёт повинную голову к маминому порогу — здесь любовь в каждой подмеченной чёрточке («Родина»):

Лишь у той просёлочной дороги
Сходятся все долгие пути —
Где берёзки оголили ноги,
Собираясь речку перейти.

Нередко поэты сравнивают берёзки с девушками, но такой живой у Малахова образ — только его: берёзки не статичны, не замерли в испуге или печали — они озорные, юные, красивые... Сливаются любованию родной природой и любованию женщиной, её прелестью, что, как мы ещё увидим, не раз проявится в стихотворениях. Но вернёмся к образу родного края.

Родина у поэта не малая, как у многих, а маленькая — нежно, ласково, тепло говорит он о ней:

Родина одна у всех, известно.
Только каждый скажет, не тая,
Что зовёт его тропинкой детства
Маленькая родина своя.

И снова намёком соединяются золото и серебро —

К ней идут всю жизнь.
И, как бывало,
В озорной мальчишеской поре
К ласковым коленям сеновала
Головы склоняют в серебре.

Мягкое тепло светлого золота и серебро седин... И вся жизнь, промелькнувшая меж-

ду воспоминанием о детстве и сегодняшним возвращением к родине.

Нежность ко всему родному проявляется в уменьшительно-ласкательных формах слов, в подмечании каждого чувства, ощущений всего живущего:

Вот и кончилось
Красное летечко.
По дворам зазвенела пила.
Журавлей запоздалая ленточка
По озябшей заре проплыла.

Зябкость, озноб, озябшие образы нередки в поэзии Малахова, и каждый раз значение меняется — то знобящая радость, то действие настоящей прохлады, а то и робость нежности вплетаются в значение этих слов.

Можно приводить разные примеры нежного отношения к родной стороне, и всё же сводить понятие Родины у поэта к «маленькой» родной стороне нельзя. Через свой род выходит он на историю России, через Брянский край — на образ страны. Сказала — выходит, а ведь у поэта не раз встречается образ дороги, по ней он идёт домой («По русской дороге»):

По русской дороге,
По грязной дороге,
Я всё-таки к дому спешу.
И пусть я усталый, и пусть хромоногий,
Но помощи я не прошу.

Вроде неприглядный образ, что за «грязная дорога»? А очень просто всё. Обычная просёлочная дорога, каких много в провинции. И когда распутица, то ни пройти, ни проехать. Но если спешишь домой, то это самая лучшая дорога на свете. А ещё по ней возвращаются к себе, к своей душе: «Верю

в Господа Бога. / Перед ним я душой не грешу...» В сборнике «Раздумья» есть стихотворение «Забывтая дорога»:

Забывтая всеми дорога,
Лесная дорога в село...
Нас много, достаточно много,
По этой дороге прошло.

Представь-ка, века, поколенья
Ходили, возили по ней.
Не стыдно и стать на колени
В заросшие жилы колеи,

Прижаться щекою к осинке,
Как бы указующей путь,
И горечи сладкой слезинки
Нисколько не стыдно сглотнуть.

Здесь преимственность поколений — всю историю нашу видела эта дорога, и сегодняшнее угасание сёл. У старой лесной дороги есть душа, многое она испытала, а теперь не нужна, её сменила бетонка. А большие дороги — они не в село обычно, в стороне, доберись попробуй. И не оставляет ощущение, что за простыми словами — преклонение перед русской стариной, перед деревенской Россией, тем более это легко подтвердить и стихами («Корни»):

Чем похвастал это я
Чуть не в дерзкой форме?
Что жива моя родня,
Та, что город кормит.
Значит, живы и мои
Вековые корни.

Корни всей России — в деревеньках и сёлах, в провинции, которая по-прежнему кормит страну, трудится и нередко себя стесня-

ется. И громких слов не знает, как и те люди, которые защищали её в трудные времена («Ордена»):

Из сумки вытряхнул на свет —
Все пять в ладони уместились;
Как будто время потеснилось,
И встали пять военных лет.

.....
Лучей малиновые жилки,
Как пульс, трепещут в орденах...
А их хозяин спорит пылко,
Не о сраженьях — о грибах.

И трудно пьёт. И курит долго,
Облокотясь на край стола.
И слов о Родине, о долге
Не слышим мы. К чему слова!

Всё ясно так, без лишней правды.
Лежат в ладони у меня
Большой судьбы, ранений, славы,
Святой Победы ордена.

Может, поэтому и нет громких слов о России у Александра Малахова — зачем они? И так понятна безграничность его преданности своей стране, её истории и культуре, готовность защищать их. Издалека заводит поэт разговор о неприхотливом скромном дереве — осине. По легенде, именно на ней повесился Иуда. С точки зрения поэта, это несправедливый оговор, потому что «родимая наша осина / Не растёт в палестинской земле». Зато очень нужна в нашей северной стране:

На Руси мы живём небогато.
Лихолетье же помним своё.
Из осины мы ставили хаты,
Согревались дровами её.

И слезами, и потом, и кровью
Окропился отцов наших прах.
Из осины церковные кровли
Серебрятся ещё в деревнях.

Снова уходит лирик в историю, неразрывно связанную с днём сегодняшним. От хат, от тепла осиновых дров — к духовному символу России, деревенской церкви. А значит, к вере. Закольцевал вроде стихотворение, но привёл читателя домой, напомнил о главном — о душе. Нет у Малахова отчужденных философских рассуждений о ней. У поэта душа человеческая настолько тесно связана с простотой жизни, её укладом, запомнившимися навсегда словами бабушки, что становится частью мира, естественной его составляющей:

Как в тумане лицо моей бабушки.
Тихий голос пустынно далёк:
— Не ходи, ради бога, без шапки.
Потеплей застегнись, голубок.

Эвон ветер какой, послушай, —
Все окошки дождем просек.
Помни, внучек, застудишь душу —
Будешь маяться век...

.....
Только что-то — нет-нет — и нарушит
Полудетскую радость мою.
Застудил я, наверное, душу,
Голубиную душу свою.

Никогда не было спокойно на душе у Малахова, его лирический герой ни от чего не бежит и не прячется:

Слеза и смех нам посланы от ветра,
От солнца — жар;
Взрывавайся и греши!

Я не сторонник ядерного века,
Но я сторонник ядерной души.

И если уж расплакаться досталось,
Не постыдись, что совесть очищал.
Наш дрёмный край простит
и эту малость —
Он не такое видел и прощал.

Неразрывны душа и Родина, лечить и спасать «ядерную душу» тоже умеют только дома. И снова появляется чудесный образ мудрой бабушки как воплощение лучшего, что есть в русском народе («Собирает бабка травы...»):

Бабка Марфа!
Ну, а душу
Чем же вылечить мою?
— Ты, внучок,
Ходи да слушай,
Как соловушки поют.

Из ручья испей водицы
И дыши себе, дыши.
Если ж это не согдится,
Значит, не было души.

Лирический герой Малахова — весь здесь, на родной земле. Неспokoйная душа, мятущаяся, но есть то, что не вызывает сомнений («Борозды»):

Наше поле бороздами зыбится.
По лощинам талая вода.
Выбегают на дорогу чибисы,
Спрашивают: «Чьи вы? И куда?»

А все здесь — свои, и никуда им не надо,
они на родине, дома:

...В край чужой нам незачем бежать.
На земле, до краешка знакомой,
Сеять хлеб нам и детей рожать.

И нет противоречий, гармония... Жаль,
что она всегда сменяется метаниями. Но
поэту, как и его лирическому герою, иначе
нельзя. Влечёт бесконечно тихое, задумчи-
вое спокойствие родных мест:

Вековечной мудростью богата,
Вымыв раны свежие раки,
Речка вновь на синих перекатах
Думу свою древнюю журчит.

Всегда стремится поэт домой («Я ког-
да-нибудь уеду / Ближе к родине своей...»),
но всегда в этом стремлении тоска: далеко
идти, пусть и близок город, но невозможно
далёк от любимой деревенской родины:

Я отвык от тебя,
моя родина древняя.
Да и ты не особенно
ценишь меня.
Ты права.
Что тебе моя песнь о деревне,
если лишние руки
нужны на поля.

В этой статье уже было сказано, что через
родные места проступает большая страна,
но обратите внимание, эта Россия — сель-
ская, деревенская, провинциальная... В ней
истоки, в ней настоящее и будущее. И никак
иначе («Наследство»):

Это грезится или помнится,
Или с плотью в наследство нам...
Скачет, скачет шальная конница
По славянским спелым хлебам.

С гиком
годы и поколения
Наклоняются до луки.
И смещаются поселения.
И мешаются языки...

Сроднённость с прошлым своей страны,
сложное восприятие настоящего, начиная с
послевоенного детства и заканчивая непро-
стыми девяностыми, когда многое рушилось
на глазах, и при этом устремленность в бу-
дущее («И спутаешь годы счастливо. / И с
тайной надеждой в груди / Поверишь — ка-
кой ты красивый, / А жизнь ещё вся впере-
ди») делают поэзию Александра Малахова
цельной, как будто скругляют её, вопреки
всем метаниям лирического героя.

* * *

И всё же хочу вернуться к солнечным об-
разам Малахова-лирика. Он удивительно
конкретен: пишет про опушку, и читатель
понимает, что видел поэт эту опушку, был
там. Ничего не придумал, но... образы ро-
дились только его, малаховские («Прелюдия
весны»):

Синим утром на оттаявшей опушке,
Там, где кочки да пожухлая трава,
Песни звонкие, как солнечные стружки,
Рассыпают по заре тетерева.

Звенит, переливается всё в природе, вспы-
хивают ясным утром золотые огоньки в
каплях воды, весенних лужицах, а поверх
— ликование тетерева, «Песня силы, песня
дерзости его». Вот эта-то дерзость и подку-
пает нередко в лирическом герое, дерзость,
перемешанная с робостью, порой настоль-
ко песенная, что в ночной тишине, листая
сборник, слышишь музыку. Дерзость прояв-
ляется в том, что всё «через край» — солнце,

радость, восторг, боль... В лирическом мире Александра Малахова не играют в поддавки.

Немного отступим в сторону от безоблачной темы. Есть стихотворение, на первый взгляд, выбивающееся из счастливых, золотом наполненных, сравнений. «Лось». Ощущение грядущей трагедии появляется со второй строфы, и впервые в лирическом мире Малахова оно связано именно с образом солнца: «Солнце, обмороженное, ало / Плавало за кромкою ледка». Не просто холод — мороз, побеждающий горячее светило, да ещё и алый цвет, сразу вызывающий ассоциацию с пролитой кровью. А тут ещё лось пьёт это солнце... В следующей строфе образ смягчается, появляется «родниковая солнечная вода» — и тут же выстрел и смерть, а образы второй и четвёртой строф соединяет сорвавшаяся с губ лося капля воды, в лучах вспыхнувшая «кровинкой». И невероятное окончание:

Взвился он над синими снегами
И упал, не ведая того,
Что в последний миг разбил рогами
Солнце, обманувшее его.

В этом произведении солнце, обещающее тепло и жизнь, обманывает героя. Лось погибает, но и разбивает предателя, пусть даже его отражение. И столько силы в этой концовке, что она вызывает восхищение. И представляешь себе миллионы сияющих брызг, рассыпавшиеся под рогами прекрасного животного. И гибель оборачивается победой. Здесь нет мести, зла. Природа остаётся жить, как бы больно ни было. Побеждают сила и красота природы.

Даже в тех стихотворениях, где нет «непосредственной солнечности», есть нередко отсылки к проявлениям жизни светила («Апрель»):

По тропинке за ветром вприпрыжку
С лаем катится рыжий щенок.

И разгул косачей на опушке.
И знобящая радость в лесу.
И налипли густые веснушки
У Алёнки моей на носу.

И это торжество — радостное, искрящееся, до озноба — золотисто-рыжего, весеннего, чистого, ясного — подчёркнуто с самого начала стихотворения «Клеит губы берёзовый сок» — что может быть прозрачнее и чище?

Говоря о лирике Малахова, боишься пропустить хоть одно из солнечных проявлений в ней, хоть один золотой образ. Стихотворение «Пробуждение» всё наполнено синевой — «сонный омут синевы», «берёзок рощица в синих звёздочках сон-травы», «Ни дымком, ни случайным облачком / Не запятнана синева». И тут же: «Солнце — золотом из ведра», а всё это — на ярком зелёном фоне. И понимаешь, как много здесь света, плещет золото, природе его не жаль, на всех хватит. Для создания образа солнца-художника использует поэт приём олицетворения: «Красит сугробы небрежно / Солнце мазками вразброс», одушевление природы для него естественно, разве красота может быть бездушной, ничего не чувствовать и не понимать? Конечно же, нет.

Поразило стихотворение «Каша гречневая с молоком...». Приведу описание дня полнотью:

Каша гречневая с молоком —
Это там, далеко-далеко.

А пока на сквозном ветерке
Поле гречневое в молоке,

Над цветами — пчелиный гул,
У дорог — берёз караул,
Где гурьбой, где в белёсый ряд.

Лишь случайно подметит взгляд,
Как канюк под острым углом
Ломоть неба срезает крылом.
И стремглав унесётся в лес.

На мгновение вспыхнет срез
Бирюзовой молнией: «Ш-ш-ш-ш!»
И опять в белом поле тишь.

Только слабый пчелиный стон,
Только лес с четырёх сторон,
Только воздух — струистый мёд.

Гречка. Греча цветёт.

Жужжащее золото пчел, золотом медовым пронизан, напоён воздух. В этом стихотворении ярко проявилась ещё одна особенность поэзии Александра Малахова — полное отсутствие статичности. Всё движется, всё напряжено, всё быстро. Казалось бы — стоят берёзки, но ведь они — в карауле, не дремлют. И обратите внимание — здесь сразу серьёзно: не березки — берёзы, как о взрослых (сравните с девчонками, переходящими речку). И даже отрезанный от неба-караваев ломоть даёт вспышку. Всё — в движении.

Если же вернуться к первым строкам стихотворения, видна душа мальчишки, родившегося в войну — наголодавшегося, трудно начинавшего свою жизнь с бабушкой Марфой. «Каша гречневая с молоком» — это же почти мечта.

Человек действия, напряжённого внутреннего переживания, поэт описывает свою любимую маленькую родину (а с чем связано солнце больше, чем с ней?) нередко рыбал-

кой, грибной охотой — всё вокруг дорого («Удача»):

Я бросаю жёлтую блесну
В солнце, отражённое рекою.
И она мерцает на весу
Сказочную рыбкой золотою.

Ну как можно забрасывать удочку в солнце? Можно, легко. И всё здесь сказочное, каждая рыбка — золотая. И этим золотом легко делится поэт, раздаривая его друзьям. А себе оставляет воспоминания, лучшее, что было в чудесном дне:

Я потом друзьям их раздарю.
А себе оставлю, не иначе:
Солнце в речке, майскую зарю
И шальное торжество удачи.

Ещё штрих. Поэт — и вправду солнечный человек. И во многом зависит от природы, её состояния. Радостно встречает весну, хотя любимым временем года остаётся начало осени, золотые её деньки, недаром и сборник был им выпущен с названием «Сентябрины». Приведу только один пример весеннего счастливого настроения:

Огляделся вокруг я,
И сердце смеётся.
И разгадка, как нимфа, нага:
На жаровне воскресшего солнца
Плавит март голубые снега.

* * *

Нисколько не противоречит общей солнечной тональности любовная лирика Александра Малахова. Героиня — прекрасна, лирический герой влюблён, грезит о любви, сомневается, влюбляется вновь, добивается

желанной. Красиво, нежно, ярко, эмоционально...

Мне всё кажется, что сон
мне приснится:
В блеске молнии — звезда
на реснице.
Свет туманный от звезды
и зелёный.
А по правилам игры —
я влюблённый.

Такой любви и желаешь, и бежать надо от этих зелёных глаз, пока не пропал. И задаётся герой вопросом: «Может быть, без этих глаз / проживу я?» Но куда убежишь от себя? От эмоциональной тревожной души, которой всё мало... Вспомните стихотворение «Наследство». И снова те же отзвуки, но уже в любовной лирике:

.....
Гордая, мне недоступная,
Я перешёл за черту...
Я пред тобою преступную
Вынянчил злую мечту.

Будто бы, сказкой овеванный,
Я — на хазарском коне.
Будто бы в свете рассеянном
Ты подбегаешь ко мне.

И всё же... Мечта, фантазия — это одно, а что в реальности, пусть и поэтической? «Я тебя, дерзко красивую, / Даже боюсь целовать»... Что это? Робость, нежелание тревожить покой любимой женщины? А где-то там, вдалеке, фоном: «Только раскованным топотом / Бег отзовется коня...» Бережность, нежность героя делают для него любимую Охранной грамотой... «на всех женщин». Но какая же грамота уберезит...

В лирике Александра Малахова много

женских образов. Вроде и описаний внешности нет, но чувствуется, легко представляется красота героинь его стихотворений:

Клавиши машинки
Тронула рукой,
Выпорхнул смешинкой
Зайчик золотой.

И видишь тонкие руки с длинными пальцами, других быть здесь не может, иначе зайчику золотому не выпорхнуть, одним словом «тронула» сразу создаётся ощущение лёгкости, воздушности картины, дополняется оно ласковыми словами (говоря о «маленькой родине», поэт использует слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, и то же в строках о женщине). И снова излюбленная солнечность образов. Проявляется она и в других, не менее нежных стихотворениях, которые запоминаются сразу, с первого прочтения.

Любовь — сказка, которую создаёт лирический герой. Его возлюбленная — будто вне времени, она из всех времен, она очень настоящая и одновременно — только такая, какой видит её он сам, какой он её создаёт:

Потом
Я придумаю женщину,
Красивую, умную женщину,
И именем, ласковым именем,
Твоим назову её.

Потом
Поцелую смущённо
Озябшее это имя
И в мир от порога немилого
С улыбкой тайной уйду.

И только растрёпанный ветер
Развеет чудесную сказку

О дерзкой моей и нежной,
О поздней моей любви.

Проклюнутся травы на радугах,
А их похоронят метели...
Но нужно мне знать непременно —
Ты очень не любишь меня?

Создал сказку, разрушил... Но не забыл,
ведь женщина реальна. Поэтому и надо знать
герою, любит ли она его? Вопрос в послед-
ней строфе — лукавство, ведь всё стихотво-
рение — надежда на взаимность, неприду-
манную, настоящую любовь. В пользу этого
вывода говорит и «скрытая солнечность» —
радуга, ведь она появляется только на солн-
це... после дождя. И невозможная нежная
робость, проявившаяся во фразе «Потом /
Поцелую смущённо / Озябшее это имя...».
Лирический герой Малахова способен, ка-
жется, покорить любое сердце.

Приведу полностью ещё одно стихотво-
рение:

Однажды распустит волосы,
В тяжёлый свитые узел, —
И брызнут они по комнате
Таким золотым дождём,

Что каждый лишится голоса,
Как будто при встрече с музой,
Которая словно помнится,
Которую вечно ждём.

А может, не муза — музыка
На тонком изломе света
Иль тихая роспись тени
На бледном строгом лице...

И, может быть, так и нужно,
Чтоб целый мир — на колени!

И крошечный зайчик смеха
На брачном её кольце.

Частый мотив любовной лирики Малахова
— недоступность женщины, она замужем,
любит другого человека. Но это не мешает
восхищаться и преклоняться перед ней. Но
рядом с мыслью о том, что любимую надо
беречь, хранить её покой (например, в сти-
хотворении «Он будет, день...» есть строки
«Я не хотел тревожить, право слово, / Одну
тебя, чьим именем дышал»), постоянно чув-
ствуется желание взаимности любви, пони-
маешь, что так просто герой не сдастся. И
строгость, красота, недоступность, взрыва-
ющаяся лёгким смехом, золотыми бликами,
вовсе не препятствие для любви:

Не возьму я чужого, поверь.
Только как же нам встречаться теперь,
Моя желанная?

И что бы ни случилось, герой не упрекает
любимую, винит себя... Даже если она явля-
ется причиной его метаний:

Мучитель мой! Пугливая звезда!

.....

В твоей судьбе
самой тебе не рай,
И ты живёшь, весёлостью скорбя...
Ну, приезжай скорее, приезжай —
Мне только б наглядеться на тебя.

Иногда встречи возвращают в прошлое,
возвращают пережитую в нём любовь. И это
тоже прекрасно, потому что те давние чув-
ства живут, а ещё — помогают переживать
все трудности, встречающиеся на пути ге-
роя:

Под гудящими ветрами,
Через мрак дождей,
Я пронёс живое пламя
Нежности твоей.

Не менее интересно раскрыта и тема несо-
стоявшейся любви. Едва наметившейся, но
не родившейся, оказавшейся ненужной («Я
тебя не клян...»):

Я тебя не любил
И любить не пытался.
Просто — ГОЛОС твой был
И навеки остался.

От каждого, даже не раскрывшегося чув-
ства в душе героя что-то остаётся. И стано-
вится, возможно, основой для новой любви.
А у поэта — для новых произведений.

Не скрывает герой и того, что быстро влю-
бляется и вряд ли верен любимой женщине.
Но она при этом очень нужна ему, без неё
многое теряет смысл:

Усмиряю и гнев свой,
и грусть.
Только б видеть
глаза твои ясные,
Пусть лукавые чуточку,
пусть.

Лирику Малахова невозможно представить
без стихотворений о любви. И не только из-
за их красоты, неповторимой требователь-
ной нежности, робости и настойчивости,

дерзости и смирения. Любовь — основа
жизни и самого поэта, и его лирического ге-
роя. Летит в далеко-далёко послание:

Здравствуй! Я истосковался по тебе.
Столько дней тебя не целовал!
Как листва в звенящем октябре,
Затерялись нежные слова.

И столько души вложено в четверости-
шие...

* * *

Богата душа поэта. А ещё богаче — душа
русского народа, о котором Александр Ма-
лахов писал всю свою жизнь. О работе,
быте, родной природе, своей стране. И что
же оказалось важнее всего? Да, конечно,
душа. Раскрыть её, выпустить на свободу
— предназначение поэта. И всё, что мог, он
выполнил.

Только сам народ забыл,
Под беду какую
Тяжким камнем он прикрыл
Душу-кладовую.

Злато-серебро души
Меряно — не меряно.
Да волшебные ключи
Временем затеряны.

...Мне не надо ничего.
Мне б суметь словами
Отвернуть с души его
Самый тяжкий камень.